

Глава 4

— Всё хорошо. У всех бывают дни, когда они хотят пропустить школу. Просто убедись, что пойдёшь завтра.

— Ага, верно.

В итоге, я чувствовал себя слишком напуганным, чтобы встретиться со своим грехом убийства Нацуми и не смог пойти сегодня в школу. Я изолировал себя в своей комнате и продолжил разговаривать с Ринкой и день уже подходил к своему завершению.

— Тем не менее, если возможно, пожалуйста, покажи завтра своё лицо Нацуми должным образом.

— Понял.

Я сказал это, но в итоге, я всё ещё задавался вопросом, имел ли я право встретиться с ней.

Действительно, теперь, когда образовалась новая петля, Нацуми не будет знать, что я сделал. Но даже если дело в этом, я не могу притворяться, что этого никогда не происходило, не имею права.

— Если ты чувствуешь себя виноватым перед Нацуми-сан, тогда убедись, что ты выберешься из этой петли, Ричи-сан. Пожалуйста, удостоверься, что она больше не умрёт.

Её голос тяжело отразился в наполненной лучами заходящего солнца комнате. Её слова попали точно в цель и именно поэтому они звучали так беспощадно. Это было, как будто она говорила мне не сбегать от реальности и, честно говоря, во мне всё ещё было недостаточно силы воли, чтобы принять её тяжёлые слова.

— Это так утомительно...

Вот почему моё бормотание оседало так болезненно низко, словно приглашаемое созданными заходящим солнцем тенями.

По правде говоря, я хотел вырваться из петли в эту самую секунду.

Как я могу достигнуть будущего, которого я не сумел достичь, даже ценой убийства Нацуми? Это вообще было возможно?

— Я не понимаю. Могу ли я... действительно сбежать из этой петли...?

Это было не так же, когда я накинулся на Ринку этим утром. Это был мой честный вопрос, после превышения всех моих лимитов.

Зовите меня трусом, меня это вполне устраивает.

Упрекайте меня за то, что я столько ною, я не стану жаловаться.

Я просто... действительно не знал.

— Существует ли способ сбежать из этой петли на самом деле...?

Я попробовал всё что мог.

Я ранил Нацуми, предавал её и презирал её. Я пробовал разные места, разные методы, но всё равно терпел неудачу.

— Я даже убил Нацуми, понимаешь...? Я убил её, чтобы она не умерла, но всё же...

Всё было не хорошо.

— Действительно. К этому моменту ты оказался прижат к стенке, но ты всё ещё не нашёл выход. Но именно поэтому я здесь. Потому что ситуация достигла момента, когда я наконец могу стать твоей союзницей.

— Что ты имеешь в виду...

Когда я спросил это, Ринка, которая сидела в утончённой манере, открыла рот с серьёзным видом.

— Ричи-сан. Что ты подумал, когда увидел мои волосы и глаза?

— «Что подумал», спрашиваешь...

— «Это не нормально». «Это странно», что-то в этом духе, верно?

Ну все бы подумали так, увидев такие белые волосы и голубые глаза. Но...

— Факт того, что ты не назвал их сразу же странными – доказательство твоей доброты. Эта твоя доброта была тем, что спасло Нацуми-сан, понимаешь? Ты действительно замечательный человек.

— Я не кто-то кто достоин такой похвалы...

Если бы я на самом деле был таким добрым, то не сделал бы нечто подобное Нацуми.

— Ричи-сан. Я не знаю, как ты думаешь о себе, но, пожалуйста, не обесценивай себя. Всё это время ты делал всё, что мог для Нацуми-сан. Даже после того, как ты столько раз ранил её ценой обмана твоего собственного сердца, ты никогда не прекращал думать о ней и продолжал делать всё возможное. Называть кого-то подобного недобрым было бы ложью.

Моя грудь стала ощущаться горячей. За моими плотно сжатыми губами, начали дрожать зубы. Слезы вот-вот закапают из моих опущенных глаз. Ясно, так вот как. Ринка, ты...

— Ты говоришь, что-то что я сделал не было ошибкой...?

Когда я спросил её дрожащим голосом...

— Да.

Она вернула честный кивок.

— Ясно. Ясно...

С этими словами, я глубоко вздохнул. Это было сделано намеренно сильно и наполнено моими разнообразными эмоциями. Из-за этого, из-за того, что я выдохнул всё, что не смог вместить в

слова, мне удалось восстановить немного своей силы воли, чтобы смотреть вперёд.

— Ричи-сан, согласишься ли ты мне, если я скажу, что мои волосы и глаза изначально были чёрными?

И поскольку я сумел сделать это, мой разум смог сконцентрироваться на моём разговоре с Ринкой.

— Ну, я определённо думал, что они не были натуральными, но если так, почему они такие?

— Потому что я путешествовала во времени.

Тем не менее, я до сих пор не смог полностью обработать эти слова.

— Путешествовала во времени... тогда это значит, что ты не шутила, когда сказала эти слова сегодня утром?

Когда она сказала, что пришла из будущего, я вообще не поверил в это.

— Ты действительно сомнительный, когда это имеет значение. Что ж, вот моё доказательство. Это моя ученическая карта, которая доказывает моё социальное положение в будущем.

С этими словами, Ринка достала из своего кармана терминал и пока она оперировала им в воздухе спроецировалось изображение.

— Из-за защиты личной информации моё имя, домашний адрес и тому подобное зашифрованы, но они не важны нынешнему тебе.

Добавила она, но честно говоря, сцена, которую я наблюдал, заставила всплыть в моей голове слово «будущее». Это типа проецировалось в воздухе, понимаете? Оно не проецировалось на такие вещи как стена или потолок, как это бывает с проекторами и 3D изображениями, а просто в воздухе, да ещё при этом в безумно высоком разрешении. И на отображаемой им картинке Ринка...

— Так у тебя действительно были чёрные волосы.

— Да. Я знала, что путешествия во времени могут привести к каким-то изменениям в моей внешности, но я никогда не ожидала, что они будут настолько большими. Ох, ну с этим ничего не поделать.

Она отвергла это, как будто оно было ничем, но она определённо казалась ещё моложе меня. И поскольку такая юная девочка так легко отвергала такие крупные изменения, это значило, что у неё была веская причина для этого.

— Ринка, какова твоя цель?

— Защитить будущее 2039-го года.

Те прозвучавшие как шутка слова, несли в себе такую тяжесть, что у вас не получилось бы просто отшутиться от них.

— Есть много вещей, о которых мы должны поговорить, но перед этим, Ричи-сан. Как много ты понимаешь об этой петле?

— Даже если ты спрашиваешь меня, я ничего о ней не знаю, ни причины, ни контрмеры.

— Тем не менее, должны же быть вещи, которые ты заметил после всех этих повторов. Пожалуйста, расскажи мне.

Нахождение под взглядом этих флуоресцентно-голубых глаз заставило возрасти моё напряжение.

— Что заметил, ха...Ну есть две вещи. То, что смерть Нацуми создаёт петлю и то, что Нацуми всегда умирает сразу после признания.

Верно... вот почему я старался избегать её признания разными способами. Хотя, в конечном счете, они все потерпели неудачу. Хмм? Подождите в таком случае...

— А факт того, что признание Нацуми неизбежно, также входит в это?

— Хорошо, давай посмотрим. Твоё понимание в основном верно. Но касательно последнего пункта, в последней петле ты должен был сам подтвердить то, что избежание её признания не совсем невозможно.

Ох... правильно.

Если я создам ситуацию, в которой она физически не сможет говорить, тогда она, разумеется, не сможет признаться. Тем не менее, она беспощадна со своими словами, раз говорит мне это так откровенно.

— Эй, ты ведь не предлагаешь мне сбежать из петли посредством этого, ведь так?

— Пожалуйста, успокойся. У меня нет намерений предлагать планы, которые используют такие бесчеловечные методы. Даже если бы были, это не позволило бы мне защитить 2039-ый год.

— Эти слова принесли спокойствие в мой разум.

Иначе, если бы она неожиданно сказала: «Да, таков план» я бы больше не знал, что делать.

— Кстати, я думал об этом всё это время, но, что конкретно ты имела в виду под защитой 2039-го года? Там есть какой-то враг?

Когда я спросил это, Ринка безмолвно поднялась, подошла к окну и с грохотом открыла его, позволив холодному зимнему воздуху влететь в комнату.

— Ричи-сан, как это небо выглядит для тебя?

У меня внезапно случился флэшбек.

О крыше после 4 часов дня.

О куче древесных отходов и голубом весеннем небе.

И о фотографии девочки со смартфоном в руке, окутанной окрашенным в розовый цвет небом.

«В это небо вторгается враг».

Нацуми того времени раньше выкладывала различные фотографии и вот такие посты. Но изображённое в каждом таком снимке небо было обычным.

Но для неё...

— Это... небо... Нацуми...?

— Верно. Это бледно-розовое небо, которое видит Нацуми-сан. Это причина и твоего закольцовывания, и явный враг человечества в 2039-м году.

.....

— Твоё выражение лица говорит мне, что ты не можешь понять то, что я сказала.

— Ну, да.

Сложно было поверить в то, что причина этой смехотворной ситуации была в небе, из всех вещей. Какого хрена?

— Я просто подумал, что было бы лучше, если бы это был какой-нибудь другой, более лёгкий для понимания враг.

— Несмотря на то, что ты уже потерял настолько, насколько только способен?

— Кх!?

Стоявшая передо мной Ринка выглядела настолько ярко, что это стимулировало мой разум. Я почувствовал, как будто холодная комната остыла на ещё пару градусов.

— Тебе не нужно быть таким настороженным. Я твоя союзница. Теперь... давай наконец поговорим? О том, что заставляет проходить через всё это тебя и Нацуми-сан.

— Причина того, что ты застрял в петле и того, что Нацуми-сан умирает в этом небе.

С этого Ринка начала свой рассказ. Её спокойный голос разносился по морозной комнате.

— Их называют Дива. Они не являются органическими формами жизни, как люди, вместо этого они являются формами жизни, основанными на данных состоящих из частиц информации.

— П-погоди немного. Слишком много информации сразу. Дива? Основанные на данных формы жизни? Ты серьёзно?

— Я серьёзна. Сейчас для меня нет выгоды в рассказывании тебе шуток.

Она была в чём-то права. Но я не мог так легко принять такую Сай-фай подобную историю. Тем не менее, Ринка проигнорировала моё замешательство и продолжила свою речь.

— Дива появились уже с 2010 года. Однако не было никого, кто мог бы заметить их. Кроме Ширанамисе Нацуми-сан, то есть.

Какое отношение к этому имела Нацуми. Почему она появилась в этой безумной истории...? Я был настолько ошеломлён, что мог только кивнуть.

— Ты тоже видел их, да, Ричи-сан? Те фотографии, которые она публиковала на SNS и прикрепленные тексты. Она пыталась сообщить о существовании Дивы другим людям через эти фотографии и слова.

«В это небо вторгается враг».

Можете себе представить насколько было тяжело поверить в то, что эти посты, которые не могли рассматриваться как что-либо кроме шуток, на самом деле предназначались для такой цели?

— Давай посмотрим. Разве ты не слышал об этом от Нацуми-сан? Что её головная боль проходит, когда она надевает свои наушники?

— Она рассказывала, но что с этим...?

— Это также доказательство того, что она может воспринимать Диву.

Даже если она так уверенно рассказывала мне это, я не мог понять, что она имела в виду. Конечно, Нацуми использовала её наушники, но и что с того?

— У Нацуми синестезия. Это когда люди дают цвета звукам и буквам, ты слышал об этом?

— Нет, не думаю. Итак, предположим, что у неё есть это, что это меняет?

— Когда Дива обменивается информацией, они передают специфичную звуковую волну. Это звук, который ты обычно даже не можешь услышать, но из-за синестезии, Нацуми-сан способна поймать её как цвет. Бледно-розовое небо. Она упоминала о нём раньше, не так ли?

Для меня это было далеко не упоминанием.

Бледно-розовое небо.

Оно было тем, что послужило для нас толчком для словесного обмена. Это небо, о котором она говорила, было причиной того, что мы сблизились.

— Небо, которое она видела – Дива. Вероятнее всего, эти головные боли случались у неё, когда они становились активными. И используя эти очень звуконепроницаемые наушники, она могла смягчить их.

Если то, что она сказала было правдой, тогда я мог понять, почему принятие лекарств было бы бесполезно. В конце концов, врача, который смог бы лечить такую бессмысленную причину не существовало.

— Нацуми-сан погибает от той Дивы.

— Подожди. Почему это внезапно перешло к её гибели?

— Потому что в будущем 2039-го, Ширанамисе Нацуми-сан изобретёт способы противостояния Диве, которая угрожает человечеству.

— Ха, что?

Что? Что она только что сказала?

— Я понимаю твой шок. Тем не менее, для нас это реальность. В будущем она изобретёт несколько технологий. Она была естественно связана с наблюдением за Дивой, но она также стала той, кто обнаружил единственное средство противодействия, которое у нас есть против них – «Программа Перехвата Барьера». В ближайшем будущем, она достигнет успехов, которые будут отмечены в истории.

Настроение безмолвной комнаты ранило мои уши. Что я должен чувствовать, когда услышал всё это?

Будущее.

Дива.

2039 год.

«Программа Перехвата Барьера».

Я не знал, откуда даже начинать разбираться в этом.

— И потому, Дива нашла её существование неприятным. Тогда они начали синхронизироваться с прошлым. Естественно их целью было уничтожение Нацуми-сан. Когда мы заметили это, то также разработали план, чтобы проследовать за ними в прошлое и защитить её. И вот откуда я пришла. Я пришла из 2039-го, чтобы защитить Нацуми-сан.

Ложь... не похоже. Оно не выглядело так и если предположить, что это было так, то в этом не было смысла. Ну если бы голова Ринки была забита излишне броскими фантазиями, то это была бы совсем другая история.

— Что ж, я хотел бы копнуть поглубже относительно Дивы и будущего, но пока позволь мне услышать всё, что ты хочешь сказать. Честно говоря, лишь с тем, что ты мне рассказала, я не могу понять, что сейчас происходит. Почему я закольцовываюсь? Это тоже проделки Дивы?

Верно, сейчас были важны не такие сложные вещи, как то, что происходило в будущем. Тем, что я хотел узнать было то, как выбраться из этой петли не больше и не меньше.

— К сожалению причина создания петель не Дива. Я была той, кто создал это, чтобы защитить вас двоих.

— Чт!? Ты говоришь, что с этим можно справиться!?

В волнении спросил я в ответ, но Ринка медленно и довольно настойчиво качнула своей головой в сторону.

— До тех пор, пока не будут выполнены условия, она никогда не выпустит.

Чёрт. А я-то подумал, что наконец-таки смогу освободиться от этого безумства.

— Так условие это? Не позволить Нацуми признаться мне?

— Да. Как ты и сказал. Условие – пережить 24-ое декабря без того, чтобы Нацуми-сан призналась тебе. Это единственный способ выбраться из этой петли.

— Понятно.

Ну это было то, чего я более или менее ожидал. Во время всех предыдущих петель я всегда пытался избежать признания Нацуми. Другими словами...

— То, что я пытался сделать не было ошибкой. Но, разве это не странно? Почему Дива нацелилась на момент, когда она признаётся мне?

Верно. Это было самой странной частью во всём этом. Почему Нацуми всегда умирала после признания?

— Потому что это означало бы то, что Нацуми-сан получит союзника – тебя. Как я уже упоминала ранее, в будущем Нацуми-сан изобрела систему для борьбы с Дивой. И ты всегда был рядом с ней. Всякий раз, когда она чувствовала себя лишённой мужества или подавленной, ты всегда был рядом и подбадривал. Вот почему, с точки зрения меня, пришедшей из будущего, в каком-то роде твоё существование ещё более важное, чем её.

— Что ты имеешь в виду? Нацуми была той, кто изобрёл «Программу Перехвата Барьера» не я, правильно? Тогда почему ты говоришь с такими подтекстами?

— Потому что в этом временном периоде, ты её единственный сторонник. И это будет продолжаться так в течение многих лет. Нам потребовалось вплоть до 2030-го года, чтобы наконец воспринять существование Дивы. До тех пор, Нацуми-сан продолжала изолированную жизнь в мире, где никто не понимал её.

Что?

— Ты серьёзно? Ты имеешь в виду, что она останется такой же одинокой, как сейчас?

Если так, то я не могу просто не обратить на это внимания, как будто это ничего.

— Да. Это печально, но это правда. Тем не менее, даже пока её не понимали, она всё равно продолжала свои исследования Дивы и как раз перед тем, как они поглотили человечество, она сделала их существование известным и создала меры противодействия им. Это были все достижения Нацуми-сан, но твоё существование обязательно для них.

— Ринка, ты сейчас действительно не шутишь, не так ли?

— Я могла бы показать доказательство того насколько важно твоё существование, но это попало бы под запрещённые действия восходящего путешествия во времени...

С этими словами Ринка начала размышлять, но честно говоря, не думаю, что я смог бы с лёгкостью поверить этому, даже увидев это доказательство. Я имею в виду, когда кто-нибудь внезапно появляется и говорит тебе, что «ты очень важный человек для будущего», то ты не можешь просто проглотить эти слова, как ни в чём не бывало.

— Прости, но я могу лишь попросить тебя поверить мне на слово. И так, ещё одна поворотная точка – это послезавтра, 24-ое декабря. Это день, когда Нацуми-сан признаётся тебе. И Дива тоже знает об этом. И вот, что они думают: Ширанамисе Нацуми смогла завершить «Программу Перехвата Барьера», потому что ты помогал ей на каждом её этапе.

— Разве ты малость не преувеличиваешь?

— Даже если ты так говоришь, этот исход был доказан в 2039-ом году. Если в этом году ты и Нацуми-сан станете парой, это будет означать, что человечество 2039-го года не будет

захвачено Дивой, но, если не станете, тогда оно будет захвачено.

Даже если ты говоришь мне, что будущее лежит на моих плечах, что я должен сделать?

— Тогда почему Дива не пытается убить нас обоих прямо сейчас? Разве так не будет быстрее, вместо ожидания признания?

— Просто. Даже если бы Дива убила тебя сейчас, это лишь заставило бы Нацуми-сан отомстить им. А в случае если бы вы двое разошлись, то это бы стало идеальной ситуацией для Дивы, поскольку Нацуми-сан решила бы оскалить свои клыки против человечества вместе с ними.

Сказав всё это, она сделала паузу, глубоко вздохнула и спросила дрожащим голосом.

— Ты... веришь мне?

Сейчас её серьёзного выражения нигде не было видно. Вместо этого, оно было заменено направленным на меня неловким взглядом. Ну это было естественно. Даже я, не будь я вовлечён во всё это, посчитал бы это невероятным, если бы кто-нибудь рассказал мне всё это.

Но я уже был вовлечён.

Доказательство этого было болезненно вырезано в моём разуме.

Повторяющиеся признания и смерть.

Думая обо всех временах, когда меня заставляли видеть их, её история больше не казалась такой невероятной. И вдобавок ко всему, в тусклой алее, по которой я следовал до сих пор, наконец, открылся единственный проход. В таком случае, поверить её словам не повредит, не так ли?

Я глубоко вздохнул. А затем открыл свой рот, чтобы огласить своё решение.

— Я верю тебе.

— Правда!?

Я даже не мог описать то, какой счастливой она выглядела, услышав эти слова. Её глаза сияли вместе с прижатыми к груди в молитвенном жесте руками.

— Я так рада, что ты веришь мне. Если бы я была честна, то если бы кто-нибудь внезапно рассказал мне всё это, то я бы не поверила этому. Ты в самом деле добрый, Ричи-сан.

— Ты...косвенно говоришь мне, что я тупица, не так ли?

— Ничего подобного. Зачем мне вообще так думать?

— Ты ещё до этого высказывала довольно грубые замечания.

Она надула свои щёки в расстроенной манере. Такой её вид, заставил меня ещё раз осознать, что она была младше меня, но её всё ещё было трудно понять.

— Ясно... Дива, ха...

Всё это звучало так нереально. Даже после того как я услышал всё это, что я мог бы сейчас

сделать?

Дива, эти загадочные существа, убивают Нацуми... что я могу сделать против них?

— Мне также хотелось бы услышать твою историю.

— Мою историю?

— Пожалуйста, расскажи мне, что ты чувствовал, когда старался изо всех сил всё это время. Насколько тяжело это было и какие сумасшедшие вещи ты делал за всё это время?

Говоря эти слова, она закрыла окно и отошла от него. Затем она подошла к кровати, откинула покрывало и села на одну её сторону.

— Сядь рядом со мной.

— А?

— Комната слишком прохладная. Если мы не заберёмся под одеяла, то подхватим простуду, понимаешь?

— Ну это ты открыла окно зимой.

— Давай не будем об этом, – безразлично ответила она. Я сел рядом с ней, как было сказано, и она накинула одеяло мне на плечи. — Хи-хи, когда мы вдвоём чувствуется это тепло.

— ...

То, что я был обёрнут тем же одеялом заставляло меня чувствовать её тепло исходящее сбоку от меня. Сегодня утром всё было хорошо, так как я преодолел свои эмоции, но теперь это была другая история и я не мог успокоиться, когда она сидела так близко ко мне.

Я ощутил вес на своём плече. Ринка положила на него свою голову. Её поведение затруднило понимание чувства расстояния между нами. Но в то же время, я почувствовал, как моё сознание успокаивается, когда она так близко прижимается ко мне. Тяжесть в моём сердце начала смягчаться.

— Эта ситуация полна вещей, которые я не могу понять.

— Действительно.

— Так же как Нацуми призналась мне, она умерла или так я думал, но потом время перемоталось. Сначала, я подумал, что сходил с ума. Было трудно поверить в то, что что-то напрямую из Сай-фая, как путешествия во времени может происходить в реальной жизни.

Потом я начал говорить. Обо всём, что произошло и что потребовалось, чтобы достичь этого момента.

— Я перепробовал много вещей. Я пытался найти выход из этой ситуации. Но всё это было бесполезно. Даже если я пытался держаться от неё подальше, даже если я пытался заставить её ненавидеть меня, в итоге, Нацуми всё равно признавалась мне и всё равно умирала... снова... и снова...

Это было болезненно.

Это было утомляюще.

Показывать мёртвого тела девушки, которую я любил снова и снова, поставило меня на грань коллапса.

Каждый раз, когда я снова открывал свои глаза, осознание того, что я буду приходить к неизбежному результату ослабило мои сердце и разум, и в последние несколько петель я даже больше не мог нормально есть.

— Я чувствовал себя по-настоящему беспомощным. Я боялся даже покинуть свою комнату. Я ничего не хотел делать, но каждый раз, Нацуми появлялась передо мной и умирала...

Это был кошмар.

Это был словно настоящий ад.

Видя, что, что бы я ни делал, в конечном итоге, всё равно приводило к её смерти, даже заставило меня потерять свою волю к жизни.

Даже когда дело доходило до фотографий, которые я раньше делал каждый день, я чувствую будто не делал никаких за последние несколько петель. До этого, моя фотокамера была у меня в руках всякий раз, когда я находил время, но я потерял желание делать даже это.

Вместо того чтобы посвящать всего себя своим хобби, я стачивал своё сердце через все эти кошмарные повторы.

— Вот таким я был всё это время, так что это вызвало у меня ужасную радость, когда появилась ты, Ринка.

— Вот как.

— Ага. Ты остановила меня, когда я собирался убить себя и столкнувшись с моим гневом, обняла меня и позволила выплакаться в твоих руках. Выпуск всего того, что я так долго держал в себе, сняло с меня тяжёлое бремя. Спасибо.

— Как бы это сказать, видеть то как ты настолько честно благодаришь меня, заставляет меня чувствовать смущение. Но, я рада. Что мне удалось вернуть твою энергию.

Ринка оперлась на меня ещё больше.

Возможно от того, что я чувствовал её тепло, я ощутил, что мои веки ослабли.

Что напомнило мне, я чувствовал, будто я так долго не спал.

— Я чувствую себя таким уставшим...

— Всё в порядке, отдыхай. Я буду рядом с тобой.

— Понятно...

Ах, я чувствую спокойствие.

Разве закрывание своих глаз всегда чувствовалось настолько хорошо?

— Доброй ночи, Ричи-сан.

В то время как моё сознание постепенно уплывало, я ощутил чей-то нежный голос в своей голове.

— Это напугало меня...

Когда я открыл свои глаза, то увидел милое личико Ринки перед собой.

Её красивые глаза были закрыты и она спала глубоким сном, её лицо показывало невинность свойственную девочке её возраста.

Скорее, я немного потерян. Почему она спит рядом со мной?

Я быстро поднялся, чтобы проверить своё окружение, которое показало, что я находился в своей знакомой комнате. Что означало...

— Так она заснула в этой позе, ха...

Вчера я наконец получил отдых, в котором так долго нуждался. Даже так, я не уверен, что думать о сне с девочкой её возраста под одним одеялом до самого утра...

— Ммм... холодно.

— А.

Из-за того что я проснулся и оставил одеяло откинутым, Ринка начала шевелиться в постели.

— Э...?

Когда я в спешке пытался накрыть её одеялом, Ринка неожиданно проснулась и наши глаза встретились.

— М, ещё немного...

— Чт... Эй!?

Я спешно схватил её, когда она всё ещё наполовину сонная пыталась уютно устроиться. Её тепло и аромат, отличающиеся от Нацуми, заставляли меня чувствовать жар повсюду. То есть, что мне делать в такой ситуации?

— Папочка...

— Я выгляжу как твой папа!? Давай же, просыпайся!

Ринка продолжала бормотать неразличимые слова, пока я пытался растряссти её. Я не хотел становиться более грубым, поэтому я продолжал это какое-то время и потом её глаза внезапно широко раскрылись, как если бы был нажат переключатель.

— Ах, вот так. Доброе утро?

— А... Ах...

Полагаю, это то, что они имеют в виду, когда говорят «челюсть отвисла». Ринка начала дрожать, после чего моментально вскочила с кровати с ярко-красным лицом и бросилась в сторону ванной комнаты.

И как мне теперь справляться с этим неловким настроением...

— Пожалуйста, забудь это, пожалуйста, забудь это. Пожалуйста, забудь это ещё раз.

— Я понял. Понял уже, поэтому успокойся и давай поедим.

После того как вся эта неразбериха уладилась, мы оба решили позавтракать.

— О боже, это была ошибка всей моей жизни. Поверить не могу, что показала тебе это своё неопрятное состояние.

— Остынь и давай пока сосредоточимся на еде.

Мы были такими уже некоторое время. Похоже, что для неё показывание мне своего спящего личика было слишком смущающим, так как она избегала зрительного контакта с тех пор, как мы сели есть.

— Спасибо.

— За что!?

— Незачем огрызаться на меня. Я имею в виду за то, что осталась со мной прошлой ночью. Я честно благодарен за это. Мне удалось хорошо выспаться впервые за долгое время.

Когда я честно отблагодарил, её лицо стало ярко-красным от смущения. Точнее, она также умеет вести себя стеснительно и смущённо. Хотя так она выглядит довольно мило.

— Тебе не нужно благодарить меня. Это мой долг.

— Не говори что-то настолько печальное. Слушай, сегодня я пойду в школу, но давай поговорим, когда я вернусь. О вещах, которые мы должны делать с сегодняшнего дня.

— Ладно.

— Ричи, ты уверен, что в порядке?

Как и ожидалось, я наткнулся на обеспокоенную Нацуми в момент, когда пришёл в школу. Но с этим ничего не поделаешь. В конце концов, вчера я завершил звонок после нескольких слов и игнорировал сообщения, которые она позже присылала мне.

— Извини, что заставил волноваться. Теперь я в порядке.

Правда, моё здравомыслие восстановилось настолько, что это даже удивило меня. Я думал, что чувства вины будут висеть на мне гораздо дольше.

Это также было из-за помощи Ринки.

Она приняла и мой гнев, и мою печаль, и даже рассказала мне причину ситуации, в которой я находился. Ей удалось – хотя и не полностью – поразить чувство беспомощности, которое я испытывал.

— Ну, твой цвет лица выглядит хорошо.

— Да? Так что волноваться не о чем.

— В конце концов, ты даже в национальный выходной правильно пришёл в школу.

— Практически.

Но теперь, когда я более или менее взбодрился, я чувствовал себя иначево том, чтобы делать вид, что предыдущей петли никогда не существовало.

Но то, что я убил её, было фактом. Это было тем, что мне было запрещено забывать.

— Эй, Нацуми.

— Что такое?

— Давай завтра сделаем всё возможное.

Но даже так, было бы бессмысленно просить прощения по этому поводу у нынешней Нацуми. Извиниться здесь было бы легко. Но в конечном итоге, это было бы ничем иным, кроме как самодовольством. С её точки зрения, для того, чтобы я просил прощения не было причин. Вот почему это не было ответом.

— Ага. Я с нетерпением жду его. Надеюсь, будет солнечно.

— Да, я тоже.

Вот почему, поскольку я не могу загладить то, что я сделал Нацуми того времени, я должен загладить это, сделав эту Нацуми перед собой счастливой.

Это мой долг, как человека, кто один раз убил её.

После школы я и Ринка сидели в моей комнате друг напротив друга, как и вчера.

— Я и вчера так подумала, но это точно неубранная комната.

— Не лезь не в своё дело.

— Ты ведь не думаешь пригласить Нацуми-сан сюда, верно? Она возненавидит тебя.

— Ох, захлопнись. Оставь меня в покое.

Ринка сидела на моей кровати, при этом смотря на меня сердитым взглядом. Я поставил стул напротив неё и сел на него.

— Из вчерашнего разговора я понял несколько вещей о причине. И так следующее, как с этим бороться.

— Ты звучишь вполне уверенно.

— Ну сейчас ситуация лучше, чем все те предыдущие разы, когда я нырял вслепую.

— Так, что ты собираешься делать? У тебя есть что-нибудь в рукаве?

— Неа.

Её презрительный взгляд ранил меня. Я имею в виду, что даже если ты вот так вот смотришь на меня, я ничего не могу поделать. Точнее, есть ли хоть кто-то, кто смог бы так быстро придумать решение после того, как услышал всё это вчера?

— Я просто продолжу повторять столько раз, сколько потребуется. Это единственное, что я могу сделать и к счастью, у меня есть бесконечное количество времени, пока я продолжаю повторять это.

— Несмотря на тот факт, что Нацуми-сан будет умирать каждый раз?

Когда Ринка задала этот вопрос, я подумал о том моменте.

Признание и свежая кровь.

Счастье и отчаянье.

Тёплая улыбка и пальто в крови.

Действительно, если бы меня можно было спасти от того, чтобы я снова увидел это, то я бы с радостью сделал это.

Девушка, которую я любил умирала у меня на глазах. Почти каждый подумал бы так. Однако...

— Если это связано с будущим, где Нацуми живёт, тогда да, это обязанность, которую я должен нести на себе, что бы не случилось.

— Поняла. Я буду содействовать изо всех сил.

— Это поможет.

Каким-то образом, я почувствовал, как вес на моих плечах стал немного легче.

До сих пор я делал всё это в одиночку. Но с этого момента у меня наконец будет союзник.

— Вопрос в том, как заставить Нацуми не признаваться.

— И это не только для 24-го декабря, но также и после него.

— Понятно. Так, даже если Нацуми не признается в канун Рождества, но на день позже, Дива всё равно убьёт её, да?

— Да, так и есть. Вот почему ты должен создать ситуацию, где она не признается тебе не только завтра, но и в будущем.

— Я чувствую, будто уровень сложности внезапно взлетел до небес.

На самом деле, я понятия не имел, что делать.

То есть, раньше я пытался заставить её ненавидеть меня, но это тоже закончилось неудачей.

— ...

— Что?

Я заметил, как Ринка молча смотрит на меня.

— Нет, я просто подумала, что ты выглядишь ужасно спокойным, несмотря на разговоры об избегании признания от девушки, которую ты любишь.

О, так вот, что это было.

— Ну, даже если она не признается мне, не похоже, что это будет продолжаться вечно. Ты вчера сказала это, верно? Что с этого момента, я продолжу быть рядом с ней.

— Ну, сказала, но...

— Естественно, это расстраивает меня. Я люблю её и она тоже любит меня. Неспособность передать эти чувства истощает. Но... но настанет время, когда мы будем вместе, ведь так? В таком случае, я готов продержаться ещё немного.

Верно. Это не значит, что смерть разлучит нас. По сравнению с исходом, в котором один из нас умирает, неспособность признаться некоторое время – ничего страшного.

— Понятно. Ты сильный, Ричи-сан.

Это не так. Она могла сказать такое, потому что не знала старого меня.

— Я вообще не сильный.

Я жалкий и отстойный. Я так жалко рыдал снова и снова и даже огрызнулся на неё. Я обычный слабак, которого можно найти где угодно.

— Но, что я могу сделать на самом деле. Я скажу это заранее, но не отвергай её, хорошо? Я не хочу ранить её.

Боль, которую это вызовет уже хорошо известна мне. Точнее, я уверен, что не смогу отвергнуть её. Это просто степень моей любви к ней.

— Я знаю. Кроме того, даже если ты отвергнешь её, это само по себе приведёт к тому, что будущее захватит Дива. Это нечто, что даже я не приняла бы.

— Рад слышать.

Что означает, что я должен думать о том, что ещё я могу сделать, ха.

Метод, который не ранит её, но позволил бы мне остаться рядом с ней, но без её признания.

— Существует только один такой метод, не так ли?

— И что же это может быть?

— Заставить Нацуми сотрудничать с нами. Я расскажу ей всё то, что услышал от тебя. Если

после этого мы заставим её сотрудничать с нами, то это всё решит, верно? Даже она не должна признаться, если будет знать, что это может привести к её смерти.

Когда я предложил это, выражение на лице Ринки осталось мрачным. Других вариантов попросту не было, но разве с этим было что-то не так?

— Я поняла. Тогда давай сначала попробуем и посмотрим, как это пройдёт. Пожалуйста, расскажи ей завтра во время вашего свидания о Диве.

— Ага, таков план. Тем не менее... похоже, завтра я наконец-таки смогу выбраться из этой петли.

Воображая это, я ужасно расслабился.

Я попал в нечто невероятное. Я хорошо понимал этот факт. Если вы спросите меня о том, смогу ли я выдержать всё это, то моим ответом станет категоричное нет.

Но, несмотря на это, я наконец нашёл решение, связанное с угрозой. И завтра, я наконец достигну этого решения.

Мне показалось, будто я наконец-таки вижу надежду.

— Тогда, думаю, я приготовлю еду к вечеру. Ты тоже должна поесть, Ринка.

— Ладно. Спасибо. Но ещё кое-что, Ричи-сан.

— В чём дело?

— Пожалуйста, не расстраивайся, даже если это потерпит неудачу, ладно? Что бы ни случилось, я всегда буду на твоей стороне.

— Ага, я знаю.

Ринка определённо была беспокойным человеком. Завтра всё это закончится. Больше не будет петель.

И вот так наступило судьбоносное 24-ое декабря.

Я как обычно гулял по торговому району с Нацуми, разглядывал витрины, пробовал разную еду и вот, наконец, мы пришли на школьную крышу.

— Это определённо красиво.

— Ага.

Уже перевалило за шесть вечера. Даже видимая вдалеке Пихтовая башня с нетерпением ожидала включения подсветки в любой момент. Понятно, раньше у меня никогда не было шанса увидеть это, но когда петли закончатся, я, наконец-таки, смогу увидеть это вместе с Нацуми.

— Никогда бы не подумала, что нам удастся попасть на крышу.

— Нам определённо повезло, ха. Нужно будет поблагодарить того, кто забыл запереть дверь.

— Хи-хи.

— В чём дело?

— Ни в чём. Просто сегодня ты выглядишь оживлённым.

—Ты так думаешь?

Хотя я и сказал это, я хорошо осознавал причину этого. В конце концов, я смогу покончить со всем прямо здесь. Больше не будет перемоток времени или петель. Конечно, когда я проснусь в следующий раз будет 25-ое декабря и я пойду в школу, ворча при этом.

Затем после того как я проведу два оставшиеся коротких семестра с Нацуми, конечно же наступят зимние каникулы, принеся с собой много веселья.

Наконец-то... наконец-то! Я освобожусь от этого безумия.

Но для этого, я должен всё ей рассказать.

— Нацуми, я должен кое-что тебе сказать.

— Что такое? Внезапно стал таким серьёзным.

— Ты помнишь первый раз, когда мы встретились?

— Да. Я бы никогда не забыла этого.

Когда она твёрдо ответила это, я смог увидеть в её глазах какое-то нестерпимое желание.

— «В это небо вторгается враг».

— Ох, прекрати. Это смущает.

В отличие от Нацуми, которая начала робко смеяться, я продолжил говорить с чрезвычайно серьёзным лицом.

— Сначала я тоже подумал об этом, как о ерунде. Даже если бы ты сказала, что в него вторгнулся враг, я никак не мог представить себе это. Но Нацуми... я сейчас расскажу тебе кое-что невероятное. Но, прошу. Я хочу, чтобы ты поверила мне.

— Ричи...?

Наверное, она почувствовала что-то необычное в моём поведении. Я принялся объяснять ей всё, пока она стояла там в недоумении. Что Ринка рассказала мне вчера про сверхъестественных существ, называемых «Дивой», про 2039-ый год, про нас в этом году и про петли.

По началу она смотрела на меня с сомнением, но в итоге она начала нормально меня слушать. Она дослушала мою бессмысленную и безумную речь до конца, не рассматривая её как шутку.

— Это всё.

К тому времени как я закончил, холодный несравнимый с дневным ветер заставил нас прижать свои тела друг к другу.

Тепло.

Нежная температура тела Нацуми заставила меня вспомнить.

Этот жар принадлежал ей.

Это тепло принадлежало ей.

Я так долго обнимал её постепенно холодеющее тело, что совершенно забыл, как они ощущались. Но теперь она была жива и она была здесь.

— Это было тяжело, ведь так?

— Да.

— Масштаб настолько грандиозный, что я даже не могу начать его понимать.

— Даже я не представлял, что ситуация дойдёт до этого момента.

Мы тайно обменивались словами.

Это не было ни смущающе, ни неловко.

Это был просто тихий и расслабляющий разговор.

— Эй, Ричи. А ты когда-нибудь желал, чтобы мгновение длилось вечно?

— Я думал об этом раньше. Как бы было радостно, если бы мы сумели остаться вот такими. Но теперь, я больше не могу думать так. Я хочу побыстрее достичь будущего.

Я никогда не забуду выражения, которое было у неё, когда она услышала эти слова.

Оно было несчастным и болезненным, словно напуганное грехом, который она собиралась совершить, но при этом в его глубинах был то появляющийся, то исчезающий восторг. Это было сложное выражение со смесью из печали и радости.

Не обращая внимания на моё удивлённое выражение, Нацуми произнесла единственную фразу.

— Знаешь, я... не хочу покидать эту петлю.

...

.....

.....

Мой мозг отказался воспринимать эти слова.

— Если мы продолжим постоянно закольцовываться, тогда я смогу вечно быть с тобой. Настанет следующий год, наши экзамены наконец-таки станут серьёзными и я боялась, что наши карьеры разлучили бы нас. Но... знаешь, если мы продолжим вот так вот

закольцовываться, я смогу остаться с тобой вот так навечно? В таком случае, почему мы должны бежать от такого благословения?

Почему ты... говоришь такое?

— Потому что ты умрёшь, Нацуми. Когда ты признаешься мне, ты...

— Нет, Ричи. Мы не можем этого сделать. Я только что поняла, понимаешь? Я не против умирать. Если так мы сможем быть вместе вечно, то что-то вроде смерти – банальное дело. Поэтому, Ричи...

«Прости», – пробормотала она и ещё раз произнесла те слова.

Те слова, что словно проклятье повторялись снова и снова и продолжали удерживать меня в этой ловушке времени.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

«В тот момент, когда я произнесла эти слова, я услышала, как глубоко внутри меня что-то щёлкнуло».

«Понятно, так вот каково это умереть».

«Это совершенно не то, чего я ожидала».

«По сравнению с тем, как я себе представляла это, это совсем ничего».

«В конце концов, сейчас я чувствую себя такой счастливой».

«Эй, я из следующего раза».

«Обязательно признайся снова, хорошо?»

«Не колеблись, не бойся и передай свои чувства Ричи».

«Если ты сделаешь это, то я буду с ним вечно».

«Ричи делает такое лицо ради меня».

«Аах, Ричи».

«Ты сейчас выглядишь таким милым».

«Я люблю тебя».

22 декабря.

Экран смартфона, который я возненавидел видеть. Бросив его на прикроватную тумбочку, я

увидел тот же самый потолок. Даже если я попытаюсь увидеть, была ли добавлена на него хоть капля краски, я ни за что не смогу найти её...

— Ха... ха-ха. Хахаха...

С моих уст просочился сухой, смешанный с отчаяньем смех.

Из моего сердца, которое стало ненавидеть что угодно, сформировался крик и в комнате всё закружилось.

«Прошу, скажите, что это шутка».

«Это ложь, ведь так?»

«Если нет, то, что мне делать?»

— Нацуми, почему ты...

Когда я закрыл свои глаза рукой, в моём тёмном поле зрения всплыло её лицо.

У неё была лучшая улыбка... полная удовлетворения, восторга и счастья.

Она улыбалась с лицом, которое я никогда прежде не видел, выражающим то насколько счастливой она была, а затем её вырвало кровью.

Даже когда она упала на холодную крышу, у неё было выражение, которое говорило, что она ни о чём не сожалела.

Капающая из приподнятых уголков её рта кровь, врезалась в мои глаза сильнее всего остального.

— Что значит, ты не хочешь выбраться из этой петли?

Нацуми сказала, что она счастлива быть пойманной в этой петле.

В этом иррациональном, бессмысленном и безнадёжном страдании времени.

«Это слишком».

«Ради чего я так тяжело старался всё это время...!»

— Нет, я вижу.

Для Нацуми эта петля не несчастье, а всё чего она желала.

— Я не понимаю. Что мне теперь делать?

Я пытался выбраться из петли, потому что она умирала.

Но даже это чувство было отобрано у меня.

Ты говоришь мне продолжать вот так закольцовываться?

— Ха... ха-ха-ха. Ахахахахахаха.

Это настолько смехотворно, что невыносимо. Моё сердце кричало на эту неразумную ситуацию.

Когда я импульсивно открыл свои шторы, перед моими глазами раскинулся знакомый небоскрёб. Я даже не мог вспомнить, когда в последний раз фотографировал его.

Но как ни странно, когда я проверил свою фотокамеру, последняя фотография, по-видимому, была сделана вчера.

21 декабря.

Почему, задумался я.

За сегодня, 22 декабря, должно было быть столько фотографий, которые я сделал.

И тогда я понял.

22 декабря только началось, а вчера бесспорно было 21 декабря.

«Аах, это действительно стало таким странным».

Моё восприятие куда-то ускользнуло.

Думая об этом, я щёлкнул затвором.

Один снимок в день.

Я должен был делать их и в предыдущих петлях, но эта в этот раз чувствовалась несколько иначе, чем остальные.

Даже с точки зрения перспективы, освещения и фокуса.

Все они были хаотично перемешаны друг с другом.

— Стоит ли вообще делать такую фотографию?

Фотография, которую я сделал была настолько плоха, что я бессознательно выплюнул эти слова. Она была настолько плоха, что я бы предпочёл больше никогда не поднимать камеру, если бы собирался сделать такой снимок.

— Мда, я полный профан в этом.

Даже в этих самоуверенных словах были разные эмоции.

Это был слишком грубый снимок. Я даже не держал в уме образ и просто снял в пустоте. Это был самый ужасный снимок среди всех тех, которые я делал до сих пор.

В этот момент я даже больше не знал какой был смысл в том, чтобы делать эти снимки.

— Ричи-сан.

— Ринка, а...

— Да.

Серьёзно, как ей удаётся вот так вот пролезать внутрь. Хотите сказать, что в будущем есть инструменты для того, чтобы прокрадываться внутрь домов?

— Ричи-сан, эм...

— Ты видела это, да? Ты знаешь о последней петле, да?

— Да...

Она кивнула с болезненным выражением на лице.

— Эй, скажи мне. Разве это не смехотворно? Это были истинные чувства Нацуми. Она не хочет выбираться из этой петли. Она считает, что повторять одно и то же время вечность – это счастье. Что это, чёрт возьми, такое!?

Мой рассерженный голос заставил её вздрогнуть. Но сейчас меня это не волновало.

— Что это, мать твою, такое!? Что я, вашу мать, делал всё это время!? Я люблю её!? Я не хочу, чтобы она умирала!? Получается, что в итоге всё это было бессмысленно!

— Ричи-сан, это не...

— Да это так! Нацуми сама так сказала. Она сказала, что-то, что я делал было неправильно. Всё было неправильно. ОНА сказала всё это, слышишь!?

— Ричи-сан, успокойся. Пожалуйста, успокойся. Я уверена, что сейчас ты просто запутался, так что...

— Так что? Так что, что!? Кончено, я запутался. Ты думала, что нет!? Мои чувства растоптали, и ты говоришь мне, чёрт возьми, успокоиться!?

Я дрожал и тяжело дышал. В моих ушах безумно звенело, а глаза словно пылали.

— Я уверена, что Нацуми-сан тоже запуталась. Она внезапно услышала что-то настолько невероятное, потому и сказала нечто подобное.

— Заткнись.

— ...

— Эй, пожалуйста, просто замолкни. А не то я, я...

Но я не смог больше ничего сказать. Все те мои бушующие эмоции вдруг успокоились, как если бы их смыло волнами. Вместо этого их заменили глубокая пустота и безнадежность. Всё внезапно стало выглядеть нелепым.

— Фу... фу-фу... ахахахахахахаха!

Я рассмеялся, словно сумасшедший. Даже я не мог больше понять собственные эмоции.

Гнев, печаль, пустота, беспомощность и многие другие эмоции все перемешались вместе, и я больше не мог не смеяться.

— Чт... Ричи-сан!?

Пока я был в этом состоянии, я размахивал своей рукой. С громким звуком, все книги и карандаши, которые лежали на столе, оказались разбросаны по полу. Когда я собирался взмахнуть рукой ещё раз, Ринка схватилась за меня.

— Остановись. Ты не должен так обращаться с ними.

«Чего ты так отчаянно хочешь?», – посмотрев на то, что она имела в виду, я увидел лежащую там фотокамеру.

— Разве эта фотокамера что-то к чему ты должен относиться так незначительно!? Разве это не то, что познакомило тебя с Нацуми-сан!?

Услышав эти слова, я потерял всю свою энергию, подобно откупоренной бутылке. Я бессильно опустил на пол и рядом со мной Ринка сделала то же самое.

«Ха-ха, что за ужасная сцена...»

— Ричи-сан...

Рядом с обеспокоенной Ринкой, я протянул свои руки к «этому».

— Что это...?

— Это моя гордость.

Он упало на пол вместе с учебниками. У него была настолько плохая складка, что он открывался, даже если вы этого не хотели.

«Первое место – Куроэ Ричи».

Рядом с этими словами была единственная фотография.

Это была моя лучшая фотография за всю мою короткую фотографическую карьеру. Это был снимок, который я мог назвать своим шедевром, выпятив грудь.

«Её мир».

На нём была изображена одна девушка и выгравированы эти слова.

Её смартфон был направлен на небо, под её ногами была гора древесных отходов и на заднем плане была стройная башня. Но лишь с этим, она бы не заняла первое место. Но по какой-то причине, всё кроме девушки в центре было окрашено в бледно-розовый цвет.

Была только такая разница.

Но она содержала ощущение тишины, которое обычно нельзя было почувствовать. Это была такая мучительная, посягающая тишина.

Но это была истинная натура этой фотографии. Одиночество, которое девушка, которую звали Ширанамисе Нацуми, держала внутри трогало сильнее всего, но в то же время она выглядела красиво.

То, что я почувствовал в тот момент, когда встретил её на крыше, было прекрасно продемонстрировано в этой фотографии.

— Знаешь, над Нацуми издевались в средней школе.

— Ох, действительно?

Сам того не заметив, я начал говорить. Ринка ничего не сказала и просто составила мне компанию.

— Она видела небо не так, как остальные люди и это делало её одинокой. По этой причине, она искала кого-то вроде себя... Но средняя школа, это место, где дети чувствительны к необычным вещам, да? И вот так, Нацуми была выделена и стала объектом издевательств.

Кто знает, насколько грустным это ощущалось. Одна, без понимания, её называли чудачкой и высмеивали за её спиной.

Просто представление того, что она чувствовала в то время, заставляет моё сердце сжиматься.

— И, наверное, поэтому... когда я впервые встретил её, она была в полной готовности, словно ёжик. Она резко разговаривала, её чувство дистанции между людьми было плохим, и она возводила вокруг себя стены.

Это был её образ жизни. Она не знала, когда снова попробует печаль. Что бы она не делала, она не смогла найти аналогично мыслящего человека. В таком случае, не лучше ли было бы изолироваться от её окружения с самого начала? Это было печальное решение, к которому она пришла.

— Но даже так, она не могла вытерпеть пребывания в таком одиночестве. Она делала посты на SNS, чтобы найти товарища, который мог где-нибудь существовать. «В это небо вторгается враг» - она продолжала без конца публиковать такие посты.

Она всегда была одна. Она надевала свои большие наушники и продолжала играть в свой смартфон, не говоря никому ни слова, ища кого-то, кто смог бы понять её. Ей хотелось отрицать своё одиночество и говорить, что она не одна такая в мире.

— И затем Нацуми наконец-то перестала быть одиночкой. Может быть этот кто-то и не был товарищем, которого она искала, но он воспроизвёл мир, в котором она жила при помощи фотокамеры и проявил понимание.

Тогда, когда я показал ей фотографию, она стала по-настоящему счастливой. Она, наконец, смогла подумать, что она больше не была одна в этом мире.

— Вот почему... вот почему для неё думать так не так уж и странно... что она не хочет выбираться из этой петли и вечно жить внутри неё в счастье.

— Ричи-сан.

— Хотя в этом нет смысла, не так ли? Она наконец-таки обзавелась помощником. И она наконец-таки сумела сказать это. «Я рада, что встретила тебя, Ричи», «Я счастлива быть такой». Я легко пропустил их, но для неё они на самом деле были чем-то очень ценным, ведь так?

— Возможно... ты прав.

Я погладил её по голове, когда она мучительно опустила глаза вниз. Спасибо за то, что сделала такое лицо для Нацуми.

— Так что, для начала, я уверен, что должен принять её чувства.

Эти слова вылетели из моего рта вполне естественно. Вспоминая о Нацуми, я считаю, что это её самые ценные...

— Ты не можешь!

Я был прерван её резким выкриком.

— Ты не можешь сделать этого. Если ты примешь её чувства, тогда что будет дальше? Ты говоришь, что собираешься продолжить вот так вот закольцовываться?

Верно. Вот что заставляет тебя волноваться, да, Ринка. Но не волнуйся. Даже я не приму этого.

В конце концов, с каждой петлёй моё сердце становится холоднее.

Я становился всё более потерянным и в итоге даже убил Нацуми.

Я больше не хочу этого делать.

— Не волнуйся. Я сбегу из этой петли, что бы ни случилось. В конце концов, я люблю Нацуми. Я бы хотел провести с ней не только это ограниченное время, но и гораздо, гораздо больше.

Верно, я не хочу повторять это, но вместо этого провести с ней ещё больше времени. Как будто я могу пожертвовать всем этим, ничего не сделав.

—Я люблю Нацуми. И хочу дожить с ней до будущего.

Это был мой эгоизм. Может быть это нечто противоположное счастью Нацуми. Но... но это именно то, чего я желаю. Поэтому...

— Ринка, не могла бы ты помочь мне. Чтобы я смог продвинуться в будущее вместе с ней.

— Да. Конечно, помогу. Именно поэтому я здесь.

Меня на мгновение очаровало командное выражение, которое она показала. Оно не выглядело как то, которое мог сделать молодой человек вроде меня, а как у взрослого, имевшего долг, который он должен был исполнить.

— Вот почему, пожалуйста, реши сам. Способ, который я собираюсь предложить, удержит вас обоих от достижения счастья. Но даже в таком случае, ты бы сделал это?

И её тон, и её отношение отличались от детских. Это говорило мне о том, что её слова не были какой-то шуткой и я глубоко вздохнул.

Затем я закрыл свои глаза и подтвердил свои чувства.

«Ричи».

Нацуми всегда называла моё имя с мягкой улыбкой на своём лице.

«Эй, Ричи».

Иногда, она прижималась ко мне, прося побаловать её.

«Риичии».

Всякий раз, когда она звала меня по имени этим чарующим тоном, моё сердце не могло успокоиться.

И также...

«Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи».

Я слышал это много раз. Каждый раз эти слова приносили мне несчастье. Но, не было ни единого раза, когда бы её признание не делало меня счастливым.

Вот почему, в конечном итоге, я действительно люблю Нацуми.

— Ага, я не против. Я готов к чему угодно, если это значит, что я смогу встретить будущее вместе с ней.

Услышав мои решительные слова, Ринка ответила твёрдым кивком.

<http://tl.rulate.ru/book/37986/839328>